

СЬЮ ЛИНИ ТАНЬ

Перевод Елены Музыкантовой

Сердце
Солнечного
вои́на

Young
Adult

МИОО

МИФ Проза

Сью Линн Тань

Сердце Солнечного воина

«Манн, Иванов и Фербер»

2022

УДК 82-312.9
ББК 84(4Вел)6-445.13

Тань С.

Сердце Солнечного воина / С. Тань — «Манн, Иванов и Фербер»,
2022 — (МИФ Проза)

ISBN 978-5-00-214022-0

Несмотря ни на что, Синьинь смогла отвоевать свободу своей матери у Небесного императора и вернуться в чарующее спокойствие дома. Однако после предательства человека, которому она доверяла больше всего, и из-за невозможности быть с любимым ее сердце разбито. Полная решимости держаться подальше от дворцовых интриг, Синьинь внезапно узнает шокирующую правду, которая толкает ее в новое путешествие по землям Небесного царства. Ей придется повстречаться с легендарными существами и проницательными монархами Четырех Морей, старыми друзьями и непримиримыми противниками. Альянсы меняются быстрее, чем приливы, невыразимый ужас охватывает царство. Синьинь должна заглянуть вглубь себя и проложить путь через опустошение, чтобы победить зло, прежде чем оно уничтожит все, что ей дорого, и миры, которые она полюбила... даже если она заплатит за это самую высокую цену. Для кого эта книга Для тех, кому понравилась первая часть дилогии и кто хочет знать, чем закончится полюбившаяся история. Для поклонников китайской мифологии, фольклора и легенд. Для тех, кто хочет прочитать роман, отмеченный самыми авторитетными представителями жанра азиатского фэнтези. На русском языке публикуется впервые.

УДК 82-312.9

ББК 84(4Вел)6-445.13

ISBN 978-5-00-214022-0

© Тањ С., 2022

© Манн, Иванов и Фербер, 2022

Содержание

Часть I	8
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	25
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Сью Линн Тань

Сердце Солнечного воина

Original title:
Heart of the Sun Warrior
by Sue Lynn Tan

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Copyright © 2022 by Sue Lynn Tan.

Designed by Alison Bloomer

Published by arrangement with Harper Voyager, an imprint of HarperCollins Publishers

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2023

* * *

Тем, кто хранит в сердце свои мечты

Часть I

Глава 1

Ночь укутала небо темным покрывалом, набросив на землю невесомый полог теней. Для смертных настало время отдыха, а вот мы на луне только-только приступили к работе. Белоснежный язычок пламени облизывал щепку в моей руке. Присев, я смахнула листок с фонаря, сделанного из пластин прозрачной слюды и перекрученных серебряных полос. Когда же поднесла щепку к фитилю, тот зашипел и вспыхнул. Я встала и отряхнула подол. Передо мной тянулись ряды незажженных сфер, молочно-белых, как распустившиеся цветы османтуса. То были лунные фонари, целая тысяча, чтобы хватило озарить простирающиеся внизу земли. Пламя не боялось ни дождя, ни ветра и затухало лишь с первым дуновением зари.

Всякий раз мама убеждала меня выполнять эту задачу вручную, но я не обладала ее терпением, да и отвыкла от столь мирной и неспешной работы. Сосредоточившись, я обратилась к источнику своей энергии: сияющему потоку магии, что проистекал от ядра моей жизненной силы. Яркие всполохи сорвались с ладоней и разлетелись к фонарям, оставляя за собой мерцающий след. Лучше всех мне покорялась стихия воздуха, но огонь тоже порой оказывался очень кстати. Земля переливалась, точно кто-то посыпал ее звездной пылью. Смертные, наверное, сейчас любовались ночным светилом, которое отчасти скрыло от них свой лик.

Впрочем, мало кто посвящал стихотворения или пытался запечатлеть на картине первую или последнюю четверть: она не могла похвастать изяществом серпа или совершенством круга. Соединяя в себе свет и тьму, такая Луна будто бы терялась между ними. Я ощущала с ней некое родство – дитя смертного и богини, выросшее в тени своих знаменитых родителей.

Иногда я уносила мыслями в прошлое и ощущала укол сожалений. Интересно, как сложилась бы моя жизнь, останься я в Небесной империи? Я бы снискала славу, собирая подвиги, точно жемчужины для ожерелья? Стала бы героиней легенд сама, как мой отважный отец Хоу И или обожаемая мама, богиня Луны?

Смертные чтити ее во время ежегодного праздника Середины осени, дня воссоединения, хотя это был день, когда моя мать вознеслась на Небеса. Одни молились ей о счастье, другие – о любви. Увы, они понятия не имели, что силы моей матери ограничены, возможно из-за отсутствия тренировок или отголосков ее человечности – последней мама лишилась, когда выпила эликсир бессмертия, подаренный моему отцу за убийство солнечных птиц. Когда она улетела на Небеса, родители разлучились, будто клинок смерти разрубил их судьбы. По сути, так и произошло, ибо тело моего отца покоилось теперь в могиле. Боль пронзила мою грудь. Я никогда не знала папу, просто представляла его как некую абстрактную фигуру, а вот мама оплакивала его каждый день своего бессмертного существования. Может, поэтому ее не смущала монотонность работы: рутина убаюкивала терзаемый сожалениями разум, утешала израненное горем сердце.

Нет, я не мечтала о славе и почестях, как не просили о них и мои родители. Известность часто ходит рука об руку со страданием, упоение от побед сплетается с тяготами их достижения, и порой ради цели приходится обгадить себя кровью. Я присоединилась к Небесной армии не затем, чтобы преследовать мечты, столь же мимолетные, как вспышки фейерверков, после которых тьма кажется еще непрогляднее. Я бы умерила столь несущественные порывы, стяхнула подобные желания. А вот вернуться домой, к маме и Пин'эр, обрести истинную любовь... именно это стремление сделало меня цельной. Вот какую мечту я лелеяла, за что боролась и чего достигла.

Пусть многие сочли бы мой дом чем-то незначительным по сравнению с величием и роскошью Нефритового дворца, но для меня не было места прекраснее. Здесь земля мерцала, точно волны, в которых отражаются звезды, цветы османтуса на ветках походили на снежные шапки. Порой я просыпалась в своей кровати из коричневого дерева и гадала: уж не снится ли мне все это? Но напоенный сладостью воздух и мягкий свет фонарей убеждали: нет, я дома, и никто больше его у меня не отнимет.

Подул легкий ветерок, и наверху что-то звякнуло – гроздь семян лавра, они сверкали точно льдинки. В детстве я мечтала сделать из них браслет для мамы, но так и не смогла сорвать. Вот и теперь по привычке ухватила полупрозрачное холодное зернышко, с силой потянула – но, как бы ни качалась ветка, оно упрямо сидело на месте.

Внезапно я ощутила появление другого бессмертного, хотя защитные чары никак не отреагировали, и на всякий случай потянулась за луком. Год на луне прошел тихо, мои жизненные силы восстанавливались куда быстрее всяческих ожиданий. Теперь я уже без труда натягивала тетиву лука Нефритового дракона и более не боялась незваных гостей. Впрочем, я почти сразу опустила оружие. Эту ауру – яркую, сияющую – я знала не хуже собственной.

– А ты умеешь встречать гостей, Синьинь, – раздался насмешливый голос Ливея. – Или просто снова хочешь посоревноваться?

Я обернулась. Принц стоял, прислонившись к дереву и сложив руки на груди. Сердце забилося чаще, но голос мой не дрогнул:

– Если помнишь, наш последний спор я выиграла. Да и с тех пор только и делала, что тренировалась, пока вы, Ваше Высочество, прохлаждались при дворе.

Да, он не заглядывал уже несколько недель. Хотя разве имела я право ожидать большего? Пусть в последнее время мы и сблизились, но все же не давали друг другу никаких обещаний. Вроде как вышли за рамки дружбы, но и к прежним отношениям не вернулись. А уж если семена сомнений пустили корни в душе, то избавиться от них непросто.

Уголки губ принца приподнялись в улыбке.

– Вообще-то счет равный. Я еще могу победить.

– Попробуй, – вздернула я подбородок.

Ливей рассмеялся и покачал головой.

– Предпочту не рисковать своей гордостью.

Он подошел ко мне и остановился, а край его лазурно-синего одеяния с тихим шелестом задел мое. Талию принца перехватывал серый шелковый пояс, с которого свисали продолговатая нефритовая табличка и хрустальная сфера, отливающая серебром моей энергии. Кисть Небесной капли. Ее близнец качался на моем поясе.

Мне захотелось отступить – и в то же время шагнуть навстречу.

– Я не почувствовала твоего прихода. Ты как-то подправил чары?

Ливей запросто смог бы изменить защиту на моем доме, раз уж сам помогал мне ее водить. Конечно, она не могла сравниться с чарами, окружающими Небесную империю, но стоило кому-то пересечь границу – и это сразу становилось известно. Друзей я не боялась, а вот чужаков вполне стоило опасаться.

Принц кивнул.

– Теперь, если они сработают, я тоже это почувствую. Но есть и побочный эффект: чары больше не реагируют на меня.

– Какая разница? Ты ведь сюда и не заглядываешь, – выпалила я, не в силах сдержаться.

Улыбка Ливея стала шире.

– Ты скучала по мне?

– Нет.

На самом деле – да, но нечего ему льстить. Я даже под угрозой смерти не признаю, какую зияющую дыру в моей душе вызвало его отсутствие и что лишь теперь она начала затягиваться.

– Так мне уйти? – уточнил Ливей.

Ах, как же хотелось гордо отвернуться, но с тем же успехом я могла ударить себя под дых.

– Почему ты не пришел раньше? – задала я вместо ответа самый важный для себя вопрос. Принц мгновенно растерял все веселье.

– При дворе беспокойно: назначили нового генерала, который разделит командование армией с генералом Цзяньюнем. В последнее время мой отец ему не благоволит.

Я ощутила угрызения совести. Неужели Их Небесные Величества затаили обиду на генерала Цзяньюня? Именно он заступился за меня год назад, когда я боролась за свободу матери. Да, правители щедро награждали слуг за усердие, но и мстили изощренно.

– И кто же этот новый генерал?

– Министр У, – мрачно ответил принц.

Я содрогнулась, стоило вспомнить придворного, который так яростно выступал против нас. Добейся он своего, император в тот же день заковал бы маму в кандалы, а меня приговорил бы к смерти. Но откуда такая ненависть? Неужто я неволью чем-то оскорбила вельможу? Или он всерьез верил, что мы несем угрозу правителю, которому У так беззаветно предан?

Как бы там ни было, мне стало не по себе, что этот человек теперь обладает таким весом в Небесной Армии.

– Даже и не знала, что министр лелеет подобные амбиции. А он вообще подходит на эту должность?

– Мало кто откажется от столь высокого назначения, неважно, обладает он нужными знаниями или нет, – ответил Ливей. – Я остался, чтобы оказать поддержку генералу Цзяньюню и постараться переубедить отца, но он непреклонен. Хотя министр У – верный слуга императора, я всегда чувствовал себя рядом с ним неловко, еще даже до того, как он выступил против тебя.

– Не затуманенный чувствами взор иной раз способен проникнуть в сердца людей, – заметила я, но тут же вспомнила предательство Вэньчжи. Как могла я выдавать подобные нравоучения, если сама глушила голос разума и видела лишь то, что хотела видеть?

Что-то забилося на грани сознания, точно беззвучный рокот барабана: кто-то прошел сквозь зачарованную границу. Я ощутила вспышки незнакомой энергии и напряглась. Ливей сощурился: он тоже почувствовал чужаков, заявившихся ко мне домой.

С тех пор как мамину ссылку отменили, к нам зачастили разные бессмертные. Мы получили помилование императора, но, увы, заодно стали мишенью для любопытных взглядов и едких замечаний. Гости воспринимали меня как диковинку, выставленную напоказ ради их забавы.

– И каково это было, когда тебя поразило Небесным огнем? – с придыханием спросил один придворный.

– Чудо, что ты выжила, – заметил другой, буквально сияя от предвкушения.

– Как твои шрамы? Всё еще болят? Поговаривают, такие остаются навсегда, – сообщил третий излишне громким голосом.

Наигранная забота. Злорадное сочувствие. Фальшивое сострадание. Такие же пустые, как марионетки уличных артистов в мире смертных. Заметь я хоть крупницу искренних переживаний, не стала бы так обижаться. Но интерес гостей к моей персоне был продиктован лишь жадой получить новую пищу для сплетен. Ах как зудели пальцы – вот бы натянуть лук, призвать молнию да прогнать досужих зевак прочь из нашего дома! Конечно, я не стала бы стрелять взаправду, там бы и одной угрозы хватило. Но строгий мамин взгляд и привитые с детства манеры вынуждали прилежно сидеть в кресле и соблюдать правила приличий.

Уж лучше терпеть их праздное любопытство, чем нажать кучу врагов.

Раздался треск, будто что-то разбилось о камень. Подхватив подол, я побежала к дворцу Чистого света. Каждый раз, как моя нога касалась земли, взметая клубы пыли, лук Нефритового дракона бил меня по спине. Ливей следовал за мной по пятам.

Впереди возникли сияющие стены, затем перламутровые колонны. Я остановилась у входа, разглядывая разлетевшиеся по полу осколки фарфора, залитые лужицей бледно-золотой жидкости. В воздухе витал сладкий и мягкий аромат, успокаивающий и томный. То было вино, хотя мы его здесь не держали.

Мы с Ливеем прошли по коридору, ведущему в зал Серебряной гармонии, где принимали посетителей. Нефритовые лампы отбрасывали свой мягкий свет на незнакомцев, что расположились на деревянных стульях вокруг моей матери. Когда я вошла, гости повернулись в мою сторону и поднялись.

Мама направилась к нам, и нефритовые кисточки на ее ярко-красном поясе звякнули.

– Ливей, мы давно тебя не видели, – тепло сказала она, опустив его титул, как сам принц давно ее уговаривал.

– Простите за долгое отсутствие. – Он вежливо склонил голову.

Приветствуя наших гостей, я по очереди их изучала. Ауры несильные – значит, любую проблему можно будет легко разрешить. Вроде бы никаких зловещих всплесков металла или отголосков сокрытой магии. Рядом с моей матерью стоял худощавый бессмертный. Глаза у него были цвета воробьиных перьев, а волосы и борода отливали серебром. Бамбуковая флейта с зеленой кисточкой свисала с его талии. Рядом с ним стояли две женщины в сиреневых одеждах и с бирюзовыми заколками в волосах. Руки, которые они подняли в приветствии, были гладкими и безупречными, они никогда не держали оружия и не работали ни дня в своей жизни. Я вздохнула с облегчением, пока не увидела последнего гостя: жесткие черты лица казались высеченными из дерева, а шея была перевита мускулами. Под красивой парчовой мантией скрывались широкие плечи, но пальцы беспокойно дергались.

Я ощутила смутное беспокойство, но спрятала его за улыбкой.

– Мама, кто наши гости?

– Мейна и Мейнинг – сестры из Золотой пустыни. Они хотят остаться на несколько недель, чтобы понаблюдать за звездами. – Она указала на пожилого бессмертного. – Мастер Ганг – опытный музыкант, пришел в поисках вдохновения для своей последней композиции. А это... – Мама замолчала, наморщив лоб и глядя на молодого человека. – Боюсь, нас прервали прежде, чем я успела узнать ваше имя.

Он поклонился нам, протягивая сложенные руки.

– Для меня большая честь оказаться в вашем обществе. Меня зовут Хаоран, я винодел из империи Феникс. Моя покровительница, императрица Фэнцинъ, заказала новое вино, для которого мне нужен лучший османтус. Говорят, в вашем лесу растут самые красивые цветы, и я смиренно прошу вашего разрешения собрать несколько штук. Я был бы бесконечно благодарен за вашу безграничную щедрость, которая славится во всем королевстве.

Меня внутренне передернуло от настолько подобострастной лести и от того, как его глаза метались по комнате. Что-то в госте заставило меня нервничать, словно сбившийся с ритма мотив, и не только потому, что он пришел из империи Феникс, ближайшего союзника Небесной империи и дома бывшей невесты Ливея. Отказ уже готов был сорваться с кончика языка, ужасно хотелось отослать гостя прочь. Не только Хаорана, всех их. Мы здесь жили в безопасности, после того как с таким трудом отвоевали наш мир.

Словно почуяв мое недовольство, Хаоран повернулся к маме:

– Я задержусь лишь на пару дней. И принес скромный дар, несколько сосудов своего лучшего вина, хоть и, к несчастью, уронил один снаружи, – признался он с фальшивым раскаянием.

– Мастер Хаоран, вы очень любезны, но никаких даров не надо, – благосклонно ответила мать. – Мы рады всем вам. Надеюсь, вы простите нас за безыскусное жилье: мы не привыкли к роскоши.

Винодел снова поклонился:

– Благодарю вас.

Остальные тоже выразили признательность и последовали за мамой. В зале остались лишь мы с Ливеем. Я опустилась в кресло и прижала кулак к губам, принц устроился рядом.

– Что думаешь о мастере Хаоране? – спросила я.

– Что не прочь лично оценить его дары.

Сейчас мне было не до шуток.

– Возможно, я ищу черную кошку в темной комнате. Слишком привыкла остерегаться.

Посерьезневший Ливей подался ко мне:

– Верь своим инстинктам. Я им верю. Приглядывай за вашими гостями. Если что-то пойдет не так – сразу шли весточку.

Он выразительно глянул на мою кисть Небесной капли. Тут же нахлынули воспоминания: темная пещера, издевательский смех, кончик меча принца, впивающийся в горло... Тогда мы едва не потеряли друг друга.

Я смотрела ему вслед, пока не стих звук удаляющихся шагов. Впервые под крышей моего дома будут жить посторонние. Я постаралась прогнать воспоминание, когда именно чувствовала себя так последний раз: еще будучи ребенком, пряталась от Небесной императрицы и жалась к колонне, оцепенев от страха.

Глава 2

Не доиграв мелодию на цине, я уставилась в окно. Мастер Хаоран, закинув на спину бамбуковую корзину, шел в лес, как делал каждый вечер всю последнюю неделю. Пронзительный свист гостя разрезал воздух и действовал мне на нервы. Серебряные ножницы в ловких руках поблескивали в вечернем свете. Интересно, а с оружием он так же умело обращается?

– Ну, так и я бы сыграла, – ворвался в мысли голос матери.

Я слабо улыбнулась и отложила цинь. Мама не обладала ни талантом, ни склонностью к музыке, поэтому Пин'эр и пришлось стать моей наставницей.

Мать села и сложила руки на столе.

– Похоже, тебе не по душе наши гости.

– Только один, – кивнула я на окно.

– Почему тебе не нравится мастер Хаоран? Он такой вежливый и предупредительный.

По правде говоря, причины для неприязни действительно не было. Скорее, какое-то смутное ощущение, словно колебание воздуха от ауры бессмертного или покалывание кожи, когда за тобой наблюдают. Как сказал Ливей, мне следовало полагаться на инстинкты... ну или хотя бы не глушить их в угоду своим предубеждениям.

На самом деле я хотела ошибиться. Не желала, чтобы под крышу дома пришла беда.

– Он какой-то напряженный. Держится настороже, будто что-то скрывает, – сбивчиво пояснила я. – Стоит мне спросить его о чем-то, как он тут же переводит тему, лишь бы не говорить о себе.

Такие уловки были мне хорошо знакомы – в конце концов, я сама несколько лет прятала свое происхождение.

– Может, ему просто неуютно с тобой. Не всем нравится говорить о себе, некоторые предпочитают слушать других. Мастер Хаоран тебя боится, – прибавила мама. – Не замечала, как смотришь на него? Сверлишь взглядом, кривишь губы. – Она мягко коснулась моей руки. – Синьинь, знаю, тебя сильно обидели. Если подозреваешь всех вокруг, где-то да окажешься права, но все равно испытываешь разочарование. Порой, относясь к людям с недоверием, ты и сама его вызываешь. А отказываясь увидеть в них добро, можешь проглядеть нечто ценное, то, что не позволяла себе обрести.

Мама была права. Последнее время я ловила себя на том, что ищу оскал в улыбке, угрозу в хмуром взгляде. Высматриваю врага в каждой тени.

Она встала и разгладила складки одеяния. Там, где ладони коснулись ткани, кончики вышитых серебряных лотосов засветились ярче. Может, игра света? Вряд ли так проявилась мамина сила, она вообще никогда не показывалась.

– Я пришла сказать, что к нам наведалься Шусяо.

Настроение мгновенно улучшилось. Помимо Ливея чаще других меня навещала подруга, и я неизменно была ей рада.

– Где она?

– В столовой, спрашивает у Пин'эр еду.

Я тут же направилась к ним. Пол там был вымощен серой каменной плиткой, укрытой шелковым ковром фиолетовых оттенков. В центре комнаты стоял круглый стол с изогнутыми ножками, окруженный бочкообразными табуретами. Инкрустации из переливающегося перламутра на розовом дереве изображали цветы и птиц. За столом могли свободно разместиться восемь человек, и в детстве я и подумать не могла, что настанет день, когда за ним станет тесно.

Теплый пряный аромат исходил от уже расставленной еды: густого супа с кусочками мяса и нарезанным корнем лотоса, тушеных в травах яиц, нежных побегов гороха, рыбы, обжаренной до золотистой корочки, и миски с пропаренным рисом. Угощение попроще, чем подают

в Небесной империи, но не менее вкусное. Мастер Ганг занял место рядом с моей матерью, а сестры из Золотой пустыни устроились по другую сторону от нее. Мастер Хаоран отсутствовал, как и всю прошлую неделю, хотя его кувшины с вином стояли на столе, а кубки уже были наполнены. Он привез превосходный напиток с приятными нотками сливы. И пусть я все еще сомневалась касаясь цели его визита, мастерство винодела не вызывало нареканий. Последние несколько ночей я без колебаний опорожняла свою чашку и погружалась в глубокий и безмятежный сон, хотя по утрам просыпалась с раскалывающейся от боли головой.

Наполнив две миски лотосовым супом, я направилась к Шусяю. Та улыбнулась, но взгляд ее остался серьезным.

– Что тебя тревожит? – спросила я, не тратя времени на пустые любезности, и поставила суп рядом с подругой.

– Нынче в Нефритовом дворце беспокойно, – признала Шусяю. – Новый генерал нам спуску не дает.

– Генерал У? – до сих пор язык не поворачивался произносить его новую должность.

Подруга кивнула.

– Потеснив генерала Цзяньюня, он встал во главе армии. Министр – жесткий и негибкий человек. Вынуждает соблюдать правила буквально, назначает наказания за малейшую провинность. Разговаривать с кем-то даже во время еды считается нарушением обязанностей. Теперь мы просто сидим в тишине, не смея смотреть друг на друга, будто дети под надзором самого строгого наставника.

«Разделенной армией легче управлять», – мелькнула неприятная мысль. Боялся ли Небесный император, что солдаты вновь объединятся против его воли? Поддержав меня, они не понимали, что император расценит их действия как вызов, – просто возмутились, чем же я заслужила его гнев? О моем намеренном неповиновении, умышленном обходе приказа принести жемчуг знали только мы вдвоем, правитель и я. И, вероятно, только что назначенный генерал, его самый доверенный советник.

– И это все ваши страдания? Приходится есть молча? – попыталась отшутиться я, невзирая на собственные тревожные мысли.

Шусяю сморщила нос.

– Сложновато выполнять правила, когда каждый день тебе присылают новые. Скоро нам и дворец без разрешения запретят покидать. И я не смогу к тебе приходиться.

Мне стало не по себе. Как же все изменилось с тех пор, как я покинула Небесную империю! А как я сама выдерживала бы столь безжалостные ограничения? Строгий выговор – худшее наказание, которое можно было получить от генерала Цзяньюня или Вэньчжи. Я тряхнула головой, отгоняя непрошенные воспоминания.

– А если попытаешься обойти правила?

– Тебя вынудят стоять на коленях, бросят в тюрьму, выпорют. – На последнем слове ее голос дрогнул.

Я невольно стиснула миску:

– Будь осторожна.

– О, поверь, я осторожна. Никогда еще так не береглась, – с чувством ответила Шусяю. – Но, похоже, за мной постоянно приглядывают, особенно после повышения генерала У.

– Почему? – Когда она не ответила, я предположила сама: – Из-за нашей дружбы?

Шусяю опустила глаза и помешала суп ложкой.

– Они ищут угрозу там, где ее нет. Это все равно ничего не меняет: я не пойду у них на поводу.

Сердце сковали угрызения совести. Вот чего я боялась все это время – что Шусяю попадет под удар только из-за наших отношений.

– Если все так плохо и они только и ждут повода, чтобы наказать тебя, зачем там оставаться?

– Я не могу уйти. Пока служу императору, мою семью никто не тронет. У нас нет влиятельных друзей, никто не заступится, если вновь возникнут неприятности. Мой младший брат надеется вступить в армию, когда вырастет, а если я уйду со службы, то ему тоже откажут. – Взгляд Шусяо стал отстраненным. – Иногда бегство от неприятностей не помогает. Мы лишь камешки на обочине, что легко отшвыриваются праздными прохожими, а пустые сплетни имеют слишком большой вес, если их шепчут не в те уши.

– Здесь всегда найдется место для тебя и твоей семьи, – тут же предложила я. – Подальше от глаз Небесной империи.

Впрочем, за нами все равно продолжали присматривать.

– Хотела бы я ответить согласием, – задумчиво сказала она, – но моя семья не решится переехать. Мы пустили корни на своей земле, и их не так-то легко вырвать.

Знакомая тоска охватила меня. За годы, проведенные вдали от дома, я часто чувствовала себя брошенной на произвол судьбы, сорняком, проросшим на чужой и враждебной почве. Я оглядела зал: знакомую мебель, потертый ковер, табурет, на котором сидела в детстве. Бесчисленные воспоминания наполняли это место, и каждое из них драгоценно и незаменимо. Но важнее всего были люди, что жили в этих стенах. Кровные родственники или просто друзья, они вдыхали жизнь в наш дом. И это дороже любой плитки или кирпича, будь то золото, серебро или нефрит.

В воздухе раздались певучие звуки флейты. Мастер Ганг играл, и кисточка на его инструменте раскачивалась в такт каждому вдоху. Разговоры в комнате стихли, все повернулось к нему. Он обладал исключительным мастерством, его мелодия лилась чисто и свободно.

– Спасибо, мастер Ганг. Ваша музыка – настоящий подарок, – поблагодарила мама, когда стихла последняя нота.

– Вы очень добры, Богиня Луны.

– Вы часто играете для своей семьи? – спросила она.

– Для жены – да. Она любила музыку. – Он улыбнулся и повернулся ко мне: – Я слышал, что ваша дочь – искусный музыкант. Когда нам выпадет удовольствие послушать песню в ее исполнении? Я был бы рад поделиться с вами некоторыми из своих композиций.

– Благодарю, мастер Ганг, но мне будет трудно соперничать с вашим выступлением. – Я отказалась не из скромности, а потому что предпочитала играть для тех зрителей, кого выбрала сама.

Когда воцарилась неловкая тишина, Шусяо спросила:

– Мастер Ганг, вы нашли здесь вдохновение для своей музыки?

Он энергично закивал.

– Ах, лейтенант, это место и вправду чудесное: ветер шелестит листьями, дождь стучит по крыше, даже земля под ногами какая-то по-особенному мягкая. Я хотел бы остаться еще, если хозяйка разрешит.

– Оставайтесь сколько пожелаете, – ответила моя мать с безупречной вежливостью, хотя я уловила заминку. Возможно, она тоже скучала по тишине и уединению.

После еды я вместе с Шусяо вышла на улицу. Завеса ночи закрыла небо, хотя фонари еще не зажгли.

Когда подруга ступила на свое облако, я коснулась ее руки.

– Держись начеку. Не делай того, чего не должно.

– И часто ты сама следовала правилам? – она глухо рассмеялась и покачала головой: – Не волнуйся, ко мне не придрачься. Теперь я – образец послушания.

Я передала ей обернутый шелком сверток.

– Цветы османтуса для Миньи. – Когда я училась с Ливеем, служанка готовила нам еду и стала моим другом.

Шусяю сунула его под мышку.

– Ваши деревья скоро опустеют, если каждый винодел и повар будут стучать к вам в дверь. Откуда они вообще знают о цветах?

Я не ответила, подняв руку на прощание, и ее облако унеслось прочь. С ней все будет хорошо, заверила я себя, направляясь в комнату. Шусяю проницательна, у нее много друзей во дворце, и за ней присматривает принц. Хотя, уже лежа в постели, перед самым сном, я невольно вспомнила ее вопрос: и правда, откуда мастер Хаоран узнал о нашем османтусе? Большинство гостей не утруждали себя прогулкой по лесу, и я не предлагала им его показать.

Тук. Тук. Тук. Серебристый звон, будто от ветряного колокольчика. Затем снова стук, ритмичный, но какой-то приглушенный, будто издалека.

Я открыла глаза и заморгала в темноте. Судя по тишине, сейчас либо глубокая ночь, либо самое раннее утро. Может, мне почудилось? Может, стоило выпить вина мастера Хаорана, тогда спала бы до утра без тревог?

Тук. Тук. Тук.

Я рывком села в постели, прислушиваясь. Нет, не показалось, будто кто-то действительно стучал чем-то твердым. И что это за звон следовал за настойчивой дробью? Отбросив одеяло, я подошла к открытому окну, вдыхая прохладный воздух с легкой сладостью. Небо было темным, землю заливал лунный свет. Вдалеке возвышался лавр, его ветви качались, словно под натиском ветра, но деревья османтуса стояли неподвижно.

Страх пронзил меня, холодный и жесткий. Дрожащими пальцами я накинула халат поверх нижней одежды и завязала пояс. Сунула ноги в туфли, схватила лук и вылезла в окно. Мой взгляд был прикован к трепещущему лавру, ноги летели по земле, спотыкаясь, едва не падая. Снова раздались эти странные стуки, от которых дерево содрогнулось в агонии. Прямо перед поляной я остановилась, сжав лук сильнее.

Рядом с лавром спиной ко мне стоял мужчина. Аура, исходившая от него, была густой и непрозрачной, точно застывший жир. В этом было что-то странное, знакомое, мои чувства предостерегающе всколыхнулись. Вспышка привлекла мое внимание: лунный свет сверкнул на серебряном изгибе лезвия, зеленая кисточка свисала с бамбуковой рукоятки. Топор устремился вниз, вонзился в лавр, металл расколол кору. Что-то темное стекало с ладони дровосека на дерево – кровь? Он поранился? Но затем дерево сильно вздрогнуло, бледные листья зашестели, и семя упало на землю, сверкая, точно звезда.

Я вытащила пылающую стрелу и вышла из тени, мое сердце бешено колотилось. Когда человек развернулся, я резко выдохнула и быстро направила стрелу ему в голову.

Мастер Ганг.

Куда только подевались его кротость и сутулость – карие глаза блестели, как у хищного ястреба. Искусная маскировка, гневно подумала я, ведь он вдобавок скрывал свою мощную ауру. И как только я обманулась этим простым заклинанием, тем же самым, которое мы с Ливеем использовали, чтобы ускользнуть из Нефритового дворца. Почувствуй я обман раньше, пригрозила бы лживому гостю мечом, вместо того чтобы предлагать чай. Мои подозрения в отношении мастера Хаорана отвлекли меня от истинной угрозы. Я проклинала себя за то, что поверила в слабость мастера Ганга, решила, будто он не представляет угрозы, хотя уже должна была запомнить: не всё есть то, чем кажется.

– Ты пришла обмениваться сочинениями? – с издевкой поинтересовался он, припоминая свое недавнее предложение.

– Меня не интересует твоя музыка, – ответила я, не сводя глаз с его топора.

Вдоль тонкой ручки виднелись маленькие круглые отверстия – то была его флейта. Я вздрогнула. Все внутри сжалось от мысли, что он пронес оружие в наш дом; пальцы зудели от желания выпустить стрелу, но сначала я хотела получить интересующие меня ответы.

– Не двигайся, не обращай к своей магии. Скажи мне, кто ты и зачем пришел сюда.

– С какой стати? – Он явно забавлялся, даже когда обратил внимание на мою стрелу. – Ты не имеешь права ни о чем меня спрашивать. То, что мне нужно, тебе не принадлежит. – Одна из его рук ненадолго разжалась, обнажая толстые шрамы, тянущиеся по всей ладони. Темные гребни вспоротой кожи блестели от крови.

На секунду я отвлеклась, а когда повернулась к нему, было уже слишком поздно – он ринулся ко мне, замахнувшись топором. Я развернулась, выпустив стрелу. Ганг нырнул назад, и древко просвистело над ним. Когда его топор снова мелькнул передо мной, я метнулась прочь, чтобы оказаться вне досягаемости. Лезвие срезало выбившуюся прядь моих волос, разбросав их, точно скошенную траву. Опоздай я на секунду, и меня могли бы разрубить на части.

Дрожь пробежала по моему позвоночнику, тетива впиалась в пальцы. Я вытасила еще одну стрелу и тут же выпустила ее. Молния зашипела и, прожигая путь в воздухе, устремилась к врагу. Что-то замерцало на его теле – щит – как раз в тот момент, когда стрела попала в цель. Прожилки белого света затрещали по барьеру. Тот раскололся, но энергия Ганга вырвалась наружу и залатала щели. Он метнул в меня свой топор, и тот полетел, кружась в воздухе серебристым пятном. Я упала на землю, прижавшись щекой и ладонями к рыхлой почве. Топор просвистел мимо, врезавшись в ствол османтуса, и лепестки дождем посыпались вниз. Я откатилась и вскочила на ноги, а оружие дернулось, высвободилось и нырнуло обратно в ладонь мастера Ганга. Свет зловещей вспышкой вырвался из его руки. Между моими пальцами образовалась еще одна стрела и понеслась к нему, но он ловко увернулся, и молния исчезла в ночи.

– Сколько раз ты еще сможешь ее призвать? – почти буднично спросил Ганг.

– Столько, сколько потребуется, чтобы убить тебя.

Пот выступил на моей коже. Я вновь обратилась к своей энергии. Ганг опять замахнулся, но на сей раз я не стала бегать. Магия вырвалась из моих ладоней сверкающими завитками воздуха, быстро связывая врага. Одно движение – и его швырнуло на землю, он ударился затылком о камень. Стон вырвался из горла мастера Ганга, его веки закрылись, а топор выпал из рук. Я осторожно подошла, держа стрелу на изготовку. Он казался слишком сильным, чтобы его можно было так легко победить, и я однажды попадалась на удочку его притворства...

Вдруг кто-то ахнул.

– Мастер Ганг! Вы ранены? – закричала Пин'эр у меня за спиной, бросаясь к его неподвижному телу.

– Пин'эр, стой!

Я хотела преградить ей путь, но опоздала. Глаза мастера Ганга распахнулись. Он вскочил, схватив служанку за руку. Топор вернулся в его ладонь, и лжец приставил чудовищное лезвие к шее бедняжки.

– Что вы делаете? – Пин'эр попыталась вырваться, но он усилил хватку, и острие порезало ее кожу. Служанка тут же замерла, ее грудь вздымалась.

– Отпусти ее. – Я глубоко вздохнула, подавляя лишние эмоции.

– Брось свой лук и отойди назад, – велел он. – Дай мне уйти – и никто не пострадает.

– С чего мне верить, что ты не убьешь нас? – спросила я.

– Даю тебе слово. – Ганг говорил так, будто его обещание чего-то стоило и он не пробрался в наш дом путем обмана.

Пока я колебалась, его оружие вонзилось в плоть Пин'эр, темная струйка крови потекла по светлому одеянию. Сдавленный звук вырвался из ее горла, хотя она оставалась неподвижной.

– Причинишь ей боль еще раз – и сильно пожалеешь об этом, – сказала я самым грозным тоном. – Мне не нужно оружие, чтобы поквитаться с тобой.

Его губы приоткрылись, зубы сверкнули.

– Конечно. Я бы не осмелился сразиться с таким прославленным воином, – насмешливо заверил Ганг.

Я подавила свой гнев и уронила лук на землю. Ганг тут же толкнул Пин'эр ко мне и бросился прочь. Когда я поймала ее, облако уже унесло его на небо.

Я бы бросилась в погоню, но Пин'эр всхлипнула, схватившись за шею. Ее ладонь стала мокрой от крови. Мне стало не по себе, я присела рядом, сжав ледяные руки служанки. Затем высвободила свою энергию, чтобы залечить ее рану, и разорванная плоть сомкнулась, от шрама осталась лишь тонкая белая полоска. Небрежная работа, но рядом не было никого, кто мог бы сделать лучше.

Пин'эр застонала, потирая виски.

– Син'бинь, что случилось? Почему... почему мастер Ганг так поступил?

Я нахмурилась.

– Не знаю. Он лжец и вор.

Когда она приподнялась, из складок ее желтого платья что-то выпало – продолговатая жемчужина, свисавшая с тонкой золотой цепочки. Камень сиял внутренним огнем, почти как жемчуг драконов, но без их огромной силы. Пин'эр всегда его носила? Неужели украшение все это время скрывалось под ее одеждой?

– Пин'эр, что это? – Я провела пальцем по блестящей поверхности жемчужины, теплой на ощупь.

Ее лицо погрустнело.

– Она образовалась в тот день, когда я покинула свой дом. У бессмертных Южного моря только слезы, вытекающие в момент самых глубоких эмоций, превращаются в жемчуг.

– Скучаешь по своей семье?

Пустой вопрос, глупый. Конечно, скучала, хотя Пин'эр никогда не возвращалась домой, ни разу за все эти десятилетия.

В ее глазах вспыхнул огонек, но быстро угас. Я отвернулась, давая ей возможность прийти в себя. Среди травинок что-то блеснуло – лавровое семя. Я подняла его, покатала между пальцами. Прохладная твердая поверхность была мне знакома, но впервые я держала его не на ветке. Импульс энергии пронзил мою кожу. Зачем оно понадобилось мастеру Гангу? Почему он зашел так далеко? Мой взгляд метнулся к лавру, ствол которого был испещрен глубокими бороздами, как будто его подрал какой-то зверь, и вымазан темной жидкостью. То была кровь? Ганг поранился, пока терзал дерево?

Воздух наполнился характерным ароматом, блестящий золотой сок вытек из щелей и разлился по коре. Края расщепленного дерева удлинились, сплетаясь вместе, пока снова не слились воедино. Мой взгляд скользнул вверх, к семенам лавра, которые выглядывали из-под листьев и блестели, точно серебристый иней. Я всегда считала их красивыми, чем-то драгоценным и редким. И все же холод окутал меня, когда я задалась вопросом, какие секреты они скрывают в своих мерцающих глубинах.

Глава 3

В вечернем свете лавр сверкал точно ледяной столб. Я провела пальцами по гладкой, как мрамор, коре – нетронутая, словно и не была изуродована топором, будто все это мне привиделось.

– Здесь ты проводишь все свое время? – спросил Ливей, подойдя.

Я поморщилась.

– Здесь я провела прошлую ночь, хотя не собиралась.

Я тут же поведала ему о нападении мастера Ганга.

Лицо принца потемнело.

– Он причинил тебе боль?

Я покачала головой, протягивая ему семя: размером меньше ногтя моего большого пальца, непрозрачное, с чем-то клубящимся внутри, как облачко.

– Оно упало с лавра. В нем есть какая-то магия, которую я не могу определить.

Ливей взял его и внимательно рассмотрел.

– Холодное. Энергия сильная, но незнакомая. Давай проверим.

Он поднял свободную ладонь, и семя взлетело в воздух. Багровое пламя с треском охватило его, высоко взметнулось, а затем резко угагло. Обугленное семя теперь походило на кусочек угля. Меня охватило облегчение, оттого что это все же не великое сокровище, не таинственная сила. Уж точно не стоило тех усилий, которые приложил мастер Ганг.

– Синьинь, посмотри.

Я вздрогнула от тона Ливея. Семя снова засияло, будто сбросив внешнюю оболочку, только стало чуть тусклее, чем прежде. Оно уцелело в огне принца, а значит, его сила и правда велика.

Моя магия потекла мерцающим потоком, стискивая семя слоями воздуха, сжимая, пока поверхность не покрыли тонкие трещинки. Я напряглась, направляя больше своей энергии, намереваясь раздавить его, доказать, что оно – пустышка, но из глубины семени вспыхнуло сияние и заделало трещины.

Принц прищурился, вновь поднял руку и направил огонь густыми волнами. Когда они охватили серебристые листья и кору, я невольно отшатнулась, ведь с детства любила лавр, играла в его тени, очарованная красотой дерева. Когда пальцы Ливея сжались в кулак, пламя вспыхнуло сильнее, кора местами потемнела... но пламя вздрогнуло, замерло и с шипением угагло, оставив после себя лишь дым. Снова брызнул блестящий сок, стекая по коре ручейками. Сияние наполнило лавр, следы ожогов исчезли, древесина вновь стала нетронутой.

– Регенерация. Вот только я никогда не сталкивался с чем-то настолько мощным, – заметил Ливей, глядя на дерево.

На ум пришло, с какой легкостью восстановилась моя магия после того, как я пожертвовала своей жизненной силой, чтобы освободить драконов. Я выздоровела здесь быстрее, чем кто-либо считал возможным. И теперь знала почему.

– Дерево исцелило и меня. Когда только вернулась, я едва плела чары, а теперь... почти так же сильна, как и прежде.

Однако к облегчению примешивался страх.

– Я рад. – Ливей наклонил голову. – Но почему ты выглядишь такой взволнованной?

– Для чего еще можно использовать семя? Что мастер Ганг хотел с ним сделать? Кто он? Явно не безобидный музыкант и не мелкий вор.

– Мы узнаем, – заверил меня принц. – Удалось собрать еще семян?

– Нет. Оружие не помогло: ни мечи, ни кинжалы. Лезвия не оставили ни царапины, следы исчезли, едва появившись, – точно так же, как и с твоим огнем. Не представляю, как мастер Ганг добыл семя.

– Может, у него заколдованный топор? Ты помнишь что-нибудь еще о прошлой ночи? – спросил Ливей.

Я помолчала, перебирая спутавшиеся мысли.

– Он был невероятно сильным и быстрым. Его оружие, в отличие от нашего, смогло разрезать кору лавра, но я не чувствовала вокруг топора никакой магии.

Тут что-то привлекло мое внимание. С неба к гостевому крылу спускалось облако. Кто его вызвал? Следуя за ним, мы быстро добрались до обиталища мастера Хаорана. Деревья магнолии затеняли землю, их корни ползли по траве, а ветви сплетались над круглым каменным столом.

Когда я постучала в решетчатую дверь, до меня донеслись приглушенные ругательства и топот ног. Ливей распахнул панели. Внутри было темно, окна занавешивала ткань. Свет проникал только через вход. В воздухе висела пьянящая сладость от раздавленных цветов, сложенных в шелковые мешочки, – одни были завязаны, а другие широко раскрыты. Лепестки валялись на полу. Мастер Хаоран вскочил с того места, где сидел, и поставил запечатанные красной тканью кувшины с вином в деревянный ящик. Затем моргнул, подняв руку, чтобы прикрыть лицо от яркого солнца.

– Осторожнее, свет повредит лепесткам!

Я призвала силу, и шторы сорвало с окон.

– Прекрати притворяться. Ты здесь не за цветами.

– О чем вы? – Он смотрел на меня непонимающим взглядом. – Зачем вы пришли?

– Мы могли бы задать тот же вопрос, – холодно ответил Ливей. – Почему ты так спешишь уехать, даже не простившись с хозяйкой?

– Возникло неотложное дело. В семье, – запинаясь, пробормотал он.

Застигнутый врасплох, мастер Хаоран лгал не лучше меня – конечно, до того, как я научилась обманывать. Мой разум заработал, фрагменты картины вставали на свои места: Хаоран прибыл с мастером Гангом, возжелал угостить нас вином, а теперь вдруг решил уйти.

– Почему ты пришел сюда? Зачем солгал нам? – спросила я.

Мастер Хаоран напрягся, а затем бросился к двери. Огненные кольца вырвались из руки Ливея, обвивая гостя, как змея.

– Стойте! Пощадите! Я расскажу вам все, что знаю.

Хаоран боролся с языками извивающегося пламени. И все же в воздухе не витала вонь горящей плоти; огонь не обжигал, а просто удерживал беглеца на месте. Я продолжила мягче:

– Скажешь правду – уйдешь отсюда целым и невредимым.

Однако если он замышлял причинить нам вред, то не получит пощады. Хаоран отрывисто кивнул.

– Императрица Фэнцзинь мне не покровитель. Мои вина лучшие в царстве, но эти высокомерные дворцовые управляющие отказываются дать мне шанс. Ее Величество любит вина из османтуса, а я... я хотел добиться ее благосклонности. Мастер Ганг как-то зашел в мою лавку и рассказал мне об османтусовых деревьях на Луне, где каждый цветок идеален. Взамен он просил лишь о небольшой услуге. Она казалась достаточно безобидной, да и все равно принято приносить хозяйке подарок.

– Вино.

Ну зачем я его пила? Мастер Ганг, видимо, что-то в него подмешивал, чтобы усыпить всех нас. Выпей я и прошлой ночью, все бы проспала, даже не подозревая об обмане. Я взглянула на мастера Хаорана. Его кожа была болезненно бледной, и мой гнев рассеялся. Его исполь-

зовали как ширму: мелкая лож отвлекала меня, позволяя настоящему злодею беспрепятственно бродить по дому. Уставившись на одно деревце, я не заметила за ним леса.

– Что еще он тебе сказал? – настаивал Ливей.

– Только что ему нужно вернуть нечто свое. Я и не заподозрил какого-то злого умысла.

Во время нашей стычки мастер Ганг сказал то же самое. Тогда я приняла его слова за бахвальство, ложь, призванную оправдать бесчестные действия.

– Кто он? – спросила я.

– Он не говорил, а я не осмелился допытываться. – Мастер Хаоран прикусил нижнюю губу. – В первый раз, когда мы встретились, на нем было нефритовое украшение с изображением солнца. С тех пор я его не видел.

Символ Небесной империи. Ливей медленно вдохнул, а у меня сдавило грудь.

– Больше я ничего не знаю. Клянусь. – Голос мастера Хаорана дрожал.

– Отпусти. Его тоже обманули, – сказала я Ливею.

Когда пути исчезли, мастер Хаоран, дрожа, рухнул на землю, но его взгляд задержался на шелковых свертках, разбросанных по комнате.

– Возьми османтус и уходи, – сказала я ему.

– Спасибо.

Он поклонился нам, затем схватил столько сумок, сколько смог, и без оглядки выбежал из комнаты. Снаружи зашелестел ветер, облако взметнулось в небо. В комнате повисла тишина.

– Многие люди носят такое украшение, – сказал Ливей. – Даже если Ганг был из Небесной империи, это не значит, что он пришел по приказу императора. Моему отцу не нужны такие уловки. Луна подпадает под его власть. Если бы он пожелал, мог бы приказать твоей матери принять мастера Ганга.

Нет, если император хотел, чтобы его интерес оставался в секрете. Но я кивнула, принимая версию принца. У меня не было желания снова выступить против императора.

– Мы должны выяснить побольше, – сказала я. – Может, наставница Даомин знает что-нибудь о лавровом семени?

Наставница Даомин была одной из немногих, кому я доверяла в Нефритовом дворце, кто присматривал за мной, хотя в начале моего обучения этого не чувствовалось. Лишь позже я поняла, что она помогала мне преодолеть сопротивление моей силы. Когда я прониклась к ней уважением, Даомин ответила мне тем же.

– Я спрошу ее, – заверил меня Ливей.

Когда он сунул лавровое семя во внутренний карман рукава, вышитые журавли расправили крылья, словно готовясь к полету. Его одежда была из тончайшей синей парчи, перехваченная на талии серебряным парчовым же поясом. Я подняла взгляд вверх, к гладкой шее, черным волосам, собранным в пучок и скрепленным короной из сапфиров и золота. Как величественно выглядел принц. Как царственно и официально. Во мне проснулось невольное желание одеться тщательнее, уложить волосы, а не просто завязать их в хвост. Здесь не было нужды в нарядах.

– Ты потом пойдешь на прием? – спросила я, хотя знала, как он не любит такие мероприятия. Ливей покачал головой.

– Почему ты спрашиваешь?

– Потому что ты выглядишь... потому что ты так одет, – неуклюже закончила я.

Уголок его рта приподнялся.

– Тебе нравится?

Я встретилась с ним взглядом.

– Тебе идет.

Это была не лесть; он выглядел именно так, как и подобает наследному принцу, но никогда еще неравенство в нашем положении не ощущалось столь явно.

Его сила вспыхнула, корона превратилась в простой серебряный венец, журавли на плаще замерли, прежде чем исчезнуть.

– Ты никогда не умела как следует прятать мысли.

– С тобой – да, – признала я. – Ты не должен был этого делать.

И все же я не могла отрицать, что теперь чувствовала себя с ним более непринужденно.

– Я сам так решил. – Ливей помолчал, убирая выбившуюся прядь волос со лба. – Синьинь, я хотел бы тебе кое-что показать.

Я заметила настойчивость в его голосе.

– Сейчас?

Он взглянул на темнеющие небеса.

– Самое время. Я верну тебя до рассвета.

Его пальцы обхватили мои, и принц вытащил меня из комнаты. Снаружи уже ждало облако. Ветер овеивал мое лицо, пока мы поднимались все выше и мой дом не превратился в далекий бледный шар. Мы уже однажды мчались вот так, наши сердца слились воедино, но грянула буря и разметала нас.

Когда наше облако остановилось, я посмотрела вверх, и все мысли вылетели из головы. Перед нами сияли звезды, охватывая всю ширь неба, ослепляя, точно лунный иней.

– Ливей, где мы? – Мое дыхание образовывало облачка в прохладном воздухе.

– На Серебряной реке.

– Звезды, что разделяют божественную ткачиху и ее смертного мужа? – То была известная легенда Царства смертных.

Он кивнул.

– Такой союз противоречит законам нашей империи. Говорили, что богиня бежала в нижний мир, пока ей не приказали вернуться в небеса. Ее муж преодолел большую опасность, чтобы последовать за ней, и после долгих страданий им наконец разрешили воссоединиться раз в год на один день. Седьмой день седьмого лунного месяца, который смертные отмечают как праздник Циси.

В прошлом я была очарована неземной красотой этого мифа. Но когда сама испытала сердечную боль – ощутила жалость к несчастной паре. Постоянно думала о своих родителях и о том, как похожи две истории. Быть может, все подобные союзы обречены на трагедию, ибо какое будущее ждет бога и человека, если их разделяет смерть?

– Почему ты такая грустная, Синьинь? – Ливей наклонился ближе, пока его голова не коснулась моей. – Это просто история.

Рассказ о моем отце люди тоже считали мифом, как и легенду о восхождении моей матери к бессмертию. Возможно, истории, которые тронули нас больше всего, таят в себе кусочек истины.

– А может, она правда случилась? – Я хотела бы ошибиться, чтобы никому не пришлось так страдать: сердца влюбленных были скованы тоской, а души навеки опутаны отчаянием.

Ливей помолчал.

– Когда-то давным-давно? Сейчас тут пустынно; никого нет, кроме нас.

– Может ли любовь стоить таких страданий? Одна ночь за год боли.

Его рука сжала мою, хватка была твердой и сильной.

– Это как посмотреть.

– На что?

– На эту самую ночь, – мягко сказал принц, – которую они так ждали.

Наши плечи соприкоснулись; мы стояли бок о бок, глядя в море бесконечного света. Шелк зашуршал: принц выудил из рукава заколку, переливающуюся всеми оттенками неба, усыпанную прозрачными камнями. Ту, которую он создал для меня, ту, которую я вернула

ему после его помолвки с другой. Я посмотрела в его темные глаза, и по моему телу разлилось тепло.

– В прошлый раз я притворился, якобы это подарок в ответ на твой. Струсил, не произнес того, что было у меня на сердце. Когда мы расстались в первый раз, я жалел, что между нами осталось так много недосказанного, и боялся, что мне больше никогда не представится возможности признаться. – Его голос дрожал от эмоций. – Если бы ты приняла меня, я бы поклялся тебе в верности – отныне и навсегда.

Во мне вспыхнула надежда, но тут же омрачилась воспоминанием, как мы уже шли по этому пути однажды и какую боль испытали. Наши семьи. Его трон. Мое недоверчивое сердце. Вот такие, казалось бы, непреодолимые препятствия лежали между нами. Не будет обмена подарками на помолвку между нашими семьями, не будет радостного объединения двух родов. При нашей последней встрече с Небесным императором он пытался меня убить. Шрамы на моей груди зудели при воспоминании об ослепительной агонии, цеплявшейся за мою плоть, как паутина боли. Более того, как я могла снова оставить мать одну, в бесконечном горе из-за смерти моего отца? Не дождавшись ответа, Ливей напрягся, отстранился.

– Я думал, ты тоже этого хочешь. Возможно, я ошибся.

Он говорил официально, замкнуто – и его голос обжег мне слух. Я сжала его руку, переплетая наши пальцы.

– Не ошибся. Мне просто нужно время. Твои родители ненавидят меня, я пока не могу уйти от матери. И...

Я осеклась, не высказав появившихся в тот самый момент новых опасений. Ведь если я выйду замуж за Ливея, мне придется вечно жить в Нефритовом дворце, окутанном шелком, скованном золотом и связанном церемониями. Хотя принц отличался от своего отца, а я не походила на его мать, мы оказались бы связаны одними и теми же позолоченными узами. Я была не из тех, кого нужно держать в клетке. Этот год свободы пробудил во мне желание жить вдали от границ Небесной империи. Многим польстила бы возможность выйти замуж за принца и жить во дворце среди облаков. Тем не менее с презирающей меня свекровью и тестем, который пытался меня убить, это скорее стало бы кошмаром, чем сказкой. Ливей улыбнулся, втыкая заколку в мои волосы.

– Я подожду. Мне достаточно того, что ты разделяешь мои чувства, но я сообщу родителям о своих намерениях.

– Серьезно? – В моих словах звучало недоверие.

– Последнее, чего я хочу, – это еще одной неожиданной помолвки.

Я ощутила укол тревоги.

– И что они сделают?

– Мать придет в ярость. Отец... я уже не в том возрасте, чтобы он мог отчитать меня, как прежде. Я разочарую его, как делал большую часть своей жизни. Никогда не мог ему угодить.

И хорошо, что не мог, хотя мне стало не по себе. Я уже знала мощь недовольства императора, видела, как он без колебаний обрушился на собственного сына. В тот момент я даже смягчилась по отношению к императрице: хотя бы она действительно заботилась о благополучии Ливея и по-своему пыталась ему помочь.

– Это все неважно, главное – мы вместе, – заверил он.

Ливей привлек меня к себе, и его глаза потемнели от намерения, которое взволновало мою кровь. Нет, я не позволю сомнению испортить этот момент; такая радость была и драгоценной, и редкой. Я прижалась к нему, вдыхая его чистый запах. Прошло много времени с тех пор, как он держал меня вот так. Когда его свободная рука скользнула по изгибу моей талии, огонь вспыхнул в моих венах, внезапный голод поглотил меня. Я обвила шею любимого, чтобы притянуть ближе. Его губы прильнули к моим: твердые и одновременно нежные, мяг-

кие, но безжалостные. Как же я скучала по этой сладости, по этому дразнящему ощущению близости наших тел. Хватка Ливея усилилась, мы упали на вздымающиеся складки облака, и его прохлада успокоила мою разгоряченную кожу. Закрыв глаза, я поплыла по волнам снов, сияющих так же ярко, как эта река звезд.

Глава 4

Неслышимый слуху звон вырвал меня из объятий дремоты. Кто-то прошел через чары. Мои глаза распахнулись, когда я распознала энергию незваного гостя. В душе мгновенно вспыхнула горячая ярость.

Вэньчжи.

Я не хотела его видеть и проигнорировала бы визит, как и прежде. Теперь он приходил чаще, небрежно минуя чары, хотя мог бы с легкостью снять их – точно так же, как проходил через охрану Небесной империи. Возможно, его забавляло, как они звякнули у меня в голове, точно гонг, и ему не приходилось будить меня лично. Он никогда не заходил в мою комнату; вероятно, просто не знал, где она, хотя я предпочитала думать, что Вэньчжи не осмеливался на подобную дерзость. Повисла тишина. И все же его присутствие на балконе моего дома раздражало меня, как пылинки в глазу. Вэньчжи всегда был терпелив и уходил только с рассветом.

С самого начала я боролась с желанием выгнать его с нашей территории. Но безразличие было лучшим выходом из положения, так как задевало гордость Вэньчжи. Мне не нравилось, что его присутствие пробуждает во мне горечь и ярость, болезненные воспоминания. В такие бессонные ночи я ворочалась до тех пор, пока шелковое покрывало не заковывало тело в кокон. Утешала лишь мысль, что и он сам впустую торчит на балконе.

В комнату долетели мелодичные звуки цитры. Красивые и неотступные, но такие тихие, что я бы и не заметила, если бы не проснулась. Каждая протяжная нота плавно перетекала в следующую, звеня от сдержанной страсти. Мелодия пробудила во мне боль, в сознании возник образ того момента, когда я слышала ее в последний раз, – Вэньчжи играл на цине как раз перед тем, как я усыпила его, чтобы сбежать. Ярость обожгла меня. Как он посмел прийти сюда? Как посмел играть сейчас эту песню? Спрыгнув с кровати, я накинула халат и неуклюже перехватила его отрезом шелка. Схватив лук со стола, закинула его на спину, на всякий случай заткнув за пояс пару кинжалов. Я двигалась быстро, но тихо, чтобы никого не разбудить. Пробралась по коридору, затем вверх по лестнице. Там я раздвинула двери и вышла на балкон.

Вэньчжи сидел, скрестив ноги и положив на колени свой красный лакированный цинь, а черное одеяние струилось по каменному полу. Длинные волосы были частично собраны в нефритовое кольцо, остальные ниспадали на спину. Я не видела его лица, лишь руки ловко скользили по струнам инструмента. Пальцы замерли, прервав музыку, и взгляд метнулся к моему. Внутри все сжалось при виде его глаз, их серебристый оттенок напоминал о былом предательстве. Я ударила первой, направив к нему спирали воздуха. Вэньчжи вскочил на ноги и грациозно уклонился. Без передышки я бросилась на него с кинжалом в руке, но он неумолимо перехватил мое запястье. Я выдернула второй кинжал из-за пояса и ударила острием в грудь – но тут перед ней замерцал щит. Лезвие высекло искру, и мою руку пронзил разряд. Пальцы разжались, кинжал выпал, с лязгом ударившись о пол. Мы стояли там, застыв на одном месте, ненасытная ярость переполняла мою грудь так, что я едва могла дышать.

– Этот прием лучше, чем я ожидал. – Он безрадостно усмехнулся. – Если бы ты действительно хотела меня убить, воспользовалась бы луком.

– Просто кинжалом больше. – Стиснув зубы, я двинула коленом ему в живот.

Вэньчжи дернулся, я вывернулась из его хватки, отступила подальше и сама наколдовала защиту. Он склонил голову набок.

– Понравилась моя игра?

– Не больше, чем в прошлый раз. – Я сжала кулаки. – Уходи и не возвращайся.

– Ты столько месяцев пряталась, избегала меня – и вышла сказать лишь это?

– Я не пряталась, просто не желала больше тебя видеть.

Его лицо оставалось нечитаемым.

– А в прошлый раз ты так не сердилась.
– То есть? Так то был не сон?
– И да, и нет, – спустя паузу ответил Вэньчжи.
– Замечательный ответ, – съязвила я. – Что за отвратительные чары ты на меня напустил?
– Я бы не поступил так с тобой, – напряженно заверил принц. – Я не играл с твоим разумом, лишь с декорациями.

Я не хотела вдумываться в смысл его слов.

– Зря старался.

– Позволь не согласиться, – с раздражающей уверенностью парировал он. – Иначе ты не пришла бы.

Я прищурилась, припомнив серебряную заколку, которую позже забросила с глаз долой.

– Почему принес заколку?

Вэньчжи слегка улыбнулся.

– Думал, ты оценишь. Все-таки чуть было не вспорола мне горло ею.

– Какая жалость, что промахнулась.

– Ты не промахнулась. Я тебя остановил.

– Да, было очень смело победить беспомощную пленницу.

– Тебя никак не назвать беспомощной. – Его улыбка стала шире. – Считай, я просто поберегся. Предпочитаю, чтобы мое горло не резали.

Он двинулся ко мне, и я вскинула лук.

– Еще шаг – и получишь стрелу, которую давно заслужил. Зачем пришел? Ты знаешь, что я не хочу с тобой общаться.

Вэньчжи почти неувовимо напрягся.

– Хотел поздравить. Когда свадьба?

– Нет никакой свадьбы, – бездумно ответила я и тут же пожалела.

Его глаза вспыхнули ярким светом.

– Он не позвал или ты отказалась? Мало кто из сплетников придерживается второго варианта, хотя именно он меня больше всего порадовал бы.

– Я не отказывалась, – резко ответила я. Мне не нравилось, как Вэньчжи меня беспокоит. – Я согласилась, нужно лишь кое-что уладить.

– Например, подружиться с Их Небесными Величествами, чтобы они не пытались убить свою будущую невестку? Спроси себя, довольна ли нынешняя императрица своей участью? Будешь ли ты счастлива, оказавшись в золотой клетке Нефритового дворца до конца своих дней?

– Кто бы говорил, сам ведь пытался меня запереть. – В каждое слово я вкладывала презрение, стараясь скрыть, как точно он попал в цель.

Легкий румянец залил его шею.

– Синьинь, не выходи за него замуж.

– Как ты смеешь?! – возмутилась я. – Ты для меня ничто, меньше, чем ничто, после того, что сделал.

– Ты не можешь простить меня? – с непривычным волнением спросил принц. – Если бы мы только могли начать сначала...

– Нельзя ничего начать, все кончено, Вэньчжи. – Что-то отозвалось во мне, когда я произнесла его имя. Отголосок прошлого, который мне нужно научиться подавлять. – Я счастлива. Ты думал, что знаешь меня, но нет. Ты видел во мне только то, что хотел, инструмент, который можно подогнать по своему вкусу.

– Как и ты – во мне, – возразил он. – Ты когда-нибудь видела настоящего человека за маской капитана? Хотя бы раз пробовала разглядеть меня? Или я просто был заменой...

– Довольно. – Я повысила голос, выпустив ярость наружу. – Мы оба ошибались друг в друге, и в итоге «нам» пришел конец.

Он покачал головой.

– Мы неправильно начали. Оба были лжецами и мошенниками, скрывающими, кто мы есть на самом деле.

– Неправильно начали? – пренебрежительно повторила я. – Не играй со мной в словесные игры. Не пытайся преуменьшить то, что сделал. И не смей нас сравнивать. Я поступила так потому, что должна была, а не потому что хотела.

– Как и я.

– Ты старался ради себя. Ради своих амбиций. Ради короны.

Его челюсти сжались.

– Я не из тех, кто смиренно принимает свою судьбу. Я ищу возможности, прокладывая свой путь. Почему я должен позволять себе и тем, кто находится под моей защитой, страдать, раз мой брат – наследник? Почему бы мне не достичь большего?

Его слова неприятно вторили тому, что я и сама прежде испытывала; честолюбие вело меня по дороге в Небесную империю. Можно ли винить за него Вэньчжи? Возможно, я не страдала так, как он, – кто знает, на что я пошла бы, чтобы обезопасить себя и своих близких. Кто знает, какая тьма могла расцвести в моем сердце, чем бы я поступилась, чтобы выжить. Нет, я столкнулась с искушением, с невыразимой опасностью и все же не потеряла себя. Я не такая, как он.

– Дело не в амбициях. Я боролась за свое, но никогда и никому не собиралась причинять вред. А вот ты... – Я не смогла закончить фразу, задыхаясь от воспоминаний о его предательстве. – Я никогда не хотела причинить тебе боль.

Его глаза пронзили мои, бледно-пепельные в лунном свете.

– Я ошибался, думая, что нет ничего важнее короны. Теперь я знаю, что для меня нет ничего важнее тебя.

Он говорил с такой искренностью, как будто не лгал мне, не брал меня в плен, не крал драконьи жемчужины, а вместе с ними и мою надежду на освобождение матери. Не говоря уже о его ужасном плане уничтожения Небесной Армии. Вэньчжи отпустил нас с Ливеем, но это не отменяло его предательства. Я не могла забыть, как он сжал мои руки в своих, пообещал мне свое сердце и как сильно сама желала его тогда, не подозревая о лжи.

Я вонзила ногти в ладони.

– Неважно. Мне от тебя ничего не нужно.

Если я и поступала жестоко, Вэньчжи сам сделал меня такой. Его проступок не имел оправдания; а я не отличалась ни великодушием, ни снисходительностью.

– Тогда почему ты здесь? Почему разговариваешь со мной?

Вэньчжи был неумолим и все же не заходил дальше – просто стоял на своем.

– Из-за злости. Из любопытства, – отмахнулась я. – Зачем ты приходишь сюда? Не только сегодня, а вообще.

– Разве нужно спрашивать? Ради возможности увидеть тебя. – Он резко выдохнул. – Я сожалею о том, что сделал с тобой.

– Легко говорить, когда добился всего, чего хотел. Стал наследником, получишь царство. Он пригвоздил меня взглядом.

– Попроси меня отказаться от него. Скажи мне, чего ты хочешь.

– И ты правда откажешься от своего положения? – недоверчиво переспросила я.

Вэньчжи не дрогнул.

– Это нужно, чтобы ты дала мне еще один шанс?

– Опять игры, Вэньчжи? Не можешь уйти без победы?

– Ты тоже со мной играешь.

– Нет. Есть то, с чем я дурачиться не стану. Иногда те, кто думает, что выиграл, теряют больше всех.

– Я просто хочу понять ставки, – упрямылся он.

– Хватит. Мы оба проиграли.

Какое-то время он молча смотрел на меня.

– Не думал, что ты решишь сбежать от вопроса. Я никогда не считал тебя трусихой.

Его бархатный тон задел. Он пытался спровоцировать меня, заставить высказать все как на духу, но я обуздала эмоции.

– Я не трусиха, просто не дура.

Вэньчжи вздохнул.

– Я не хочу с тобой ссориться, Синъинь. Я обидел тебя и хочу загладить свою вину, если позволишь. Любое желание, только попроси.

Никогда не думала услышать от него такое признание. Он же такой гордый. Сердце зачатило, а внутри поднялась знакомая боль. Если бы только я могла отринуть ту глупую, сентиментальную часть души, которая до сих пор переживала, которая должна была умереть в тот момент, когда я узнала истинную природу Вэньчжи.

Но можем ли мы по-настоящему ненавидеть тех, кого любили? Увы, моим надеждам не суждено сбыться. Вэньчжи был прав; я хотела причинить ему боль, выгнать из дома, вычеркнуть из своей жизни... но смерти не желала. Ни тогда, ни сейчас. Однако прощение – другое дело. Я до сих пор злилась; знала, что больше никогда не смогу доверять ему. Всякая нежность, всякая надежда на будущее были безвозвратно уничтожены. И все же я не могла отрицать, что его предложение искушает меня, ведь я не из тех, кто упускает возможность. Если меня ждет опасность, я сделаю все, чтобы к ней подготовиться.

Я подошла к балюстраде и оперлась локтями о прохладный камень, глядя на светящуюся землю, расстилавшуюся под нами точно звездное море.

– Я говорю с тобой только потому, что ты отпустил нас тогда и твой план провалился. Если бы ты действительно стоил мне моей свободы и свободы моей матери, я бы застрелила тебя не раздумывая.

– Правда? – бросил он мне вызов.

Вновь охваченная гневом, я развернулась, чтобы уйти, но Вэньчжи заступил мне дорогу.

– Стой. Прости. – Он широко развел руки. – Целься куда пожелаешь.

Я смерила его взглядом, сильнее стиснув лук.

– Если я еще не выстрелила, это не означает, что мы друзья или хотя бы не враги. Мое презрение никуда не делось.

– Не друзья. Хотя бы не враги? – насмешливо переспросил он. – А ты и правда великодушна.

– Больше, чем ты того заслуживаешь. Но знай: я никогда не забуду твоего предательства. Никогда не прощу тебя. Это все, что может быть между нами.

Он склонил голову.

– Я понимаю, но постараюсь изменить твое мнение.

Ветер взметнул мои распущенные волосы, наши одежды бешено захлопали. Вэньчжи сбросил плащ и предложил его мне. Я не приняла, уставившись на ткань как на ядовитую змею.

– Мне нужна информация, – сказала я вместо этого. – Какие последние новости ты слышал о Небесном дворе?

Как наследник Царства демонов Вэньчжи везде имел глаза и уши и наверняка внимательно следил за своим величайшим соперником и врагом. Принц вздохнул, натягивая на себя одежду.

– Есть еще одна причина, почему я пришел сегодня вечером. Почему был более... настойчив. Остерегайся новоявленного генерала. Согласно моим источникам, он проявляет к тебе большой интерес.

– Генерал У? Помимо того что он просил императора приговорить меня к смертной казни? – Внутри все сжалось. Вэньчжи был не из тех, кто легкомысленно разносит сплетни. Вдобавок меня тревожили трудности Шусяо. – Почему ты в это веришь?

– Он внимательно следит за теми, кто общается с тобой, за твоим домом, изучает записи об этом месте, напоминает о нем императору.

Холод поднялся из глубин моего желудка. Отчасти хотелось довериться Вэньчжи, как прежде. Пусть на сердце остались шрамы от его обмана, принц мог знать что-то полезное. Я неохотно рассказала ему о лавре.

– Злоумышленник пытался уничтожить дерево или собрать семена? – спросил он.

Первый вариант не приходил мне в голову, но я вспомнила, как мастер Ганг останавливался после каждого удара. Это не походило на попытку срубить дерево.

– Он хотел добыть семена. К счастью, это оказалось кропотливой задачей, потребовалось несколько ударов, чтобы получить всего одно. Он залил руки и дерево своей кровью.

– Не покажешь мне лавр? – Когда я не ответила, Вэньчжи пояснил: – Я просто хочу помочь тебе. Клянусь жизнью.

– Ты мне уже много чем клялся.

– Теперь я другой человек.

Я не поверила ему, уже выискивая на лице и в тоне признаки обмана. Вряд ли Вэньчжи изменился; он наплел бы что угодно, лишь бы получить желаемое. Однако я ценила его острый ум. Было бы своего рода предательством допустить его в мой дом: и по отношению к Ливею, и по отношению к себе. Но я держалась настороже; меня бы не застигли врасплох. И если Вэньчжи снова предаст меня, то на сей раз заплатит сполна.

Вокруг царила тишина, которую нарушали только звуки наших шагов. Хорошо, что так поздно: все спят, и не придется объяснять маме или Пин'эр, что у нас за гость. Вэньчжи внимательно все разглядывал: шелковые фонари, расписанные ширмы, резной деревянный стол. Задержался снаружи, любуясь серебряной крышей, сияющей землей, лесом лунно-белого османтуса.

– Мне было интересно увидеть твой дом. Он прекрасен, – тихо признался Вэньчжи.

Я отрывисто кивнула, не желая вступать в беседу.

Мы шли между деревьями, и свет фонарей отбрасывал наши тени на землю. Никто из нас больше не проронил ни слова, пока мы не подошли к лавру. Его семена блестели, как упавшие звезды, запутавшиеся в паутине ветвей. Вэньчжи прижал ладонь к гладкой коре, затем резко дернул семечко. То не поддалось, хотя листья задрожали, а ветка склонилась.

– В этом дереве странная энергия. Холодная, как и у многого здесь, но разрозненная, будто две половины единого целого, – заметил он.

– Что это значит? Что оно может делать?

– Я не уверен. – Вэньчжи нахмурился. – По возвращении сюда ты не заметила странностей?

Я поколебалась, но все же сказала:

– Моя жизненная сила восстановилась быстрее, чем ожидалось. Я думала, во мне пробудилась какая-то доселе спящая таинственная сила.

Он потянулся к лавру.

– Вот только виновником было дерево.

Регенерация, сказал Ливей. Зачем императору жаждать такой власти? Нефритовый дворец битком набит целителями. Я украдкой взглянула на Вэньчжи, пытаюсь понять, что таится в его глазах: беспокойство или жадность...

– Синъинь, ты все еще подозреваешь меня? – Его рот скривился в улыбке. – Я больше не хочу становиться твоим врагом.

– А если что-то изменится? Если наши намерения вновь столкнутся? Несомненно, ты выберешь себя.

– Нет, – твердо сказал Вэньчжи.

– Откуда тебе знать?

– Потому что я на такое не пойду. Противопоставить себя тебе – все равно что пойти против самого себя. – Он помолчал. – Когда я сделал тебе больно... мне тоже было больно.

Я уставилась на его жесткое лицо, ошеломленная столь категоричным признанием. Никакие слова не приходили в голову, ни возражения, ни оскорбления.

– Что бы ты ни думала, я некроважден по натуре и не жажду власти только ради нее самой. Теперь надеюсь убедить своего отца, что мир – лучший выход. Цена войны слишком высока даже для победителя.

В наших совместных битвах Вэньчжи никогда не получал чрезмерного удовольствия от завоеваний и не радовался поражению соперника. Его решения были рассчитаны на уменьшение кровопролития, даже когда он служил в армии своего врага. И я верила, что пока Вэньчжи хочет помочь, он не причинит мне зла.

Его голова дернулась вверх, веки опустились. Я замерла, почувствовав приближение ауры бессмертного, хотя чары меня не предупредили. Пришел Ливей. В груди образовался узел. У меня не было желания повторять их последнюю встречу, когда дело дошло до мечей. Это я годами дружила с Вэньчжи, а вот Ливей по праву считал его предателем и угрозой.

Вэньчжи склонил голову.

– Не буду создавать проблем.

Не успела я ответить, как мерцание окутало его, скрывая из виду. Мгновение спустя легкий ветерок пронесся сквозь деревья, и аура Вэньчжи исчезла. Он ушел так же внезапно, как и появился.

Мое напряжение ослабло, хотя на смену быстро пришло чувство вины. Ливей вышел из-за деревьев и приблизился ко мне. Поверх белой нижней одежды был накинут серый халат, небрежно завязанный на талии. Должно быть, принц собирался в спешке.

– Я почувствовал, что кто-то прошел через барьер, да еще в такой час. Хотел убедиться, что угрозы нет. – Он улыбнулся. – Еще один незванный гость?

Вэньчжи впервые пришел сюда после изменения чар. Я была готова кивнуть, солгать: нужные слова пришли легко – и все же не могла обмануть любимого.

– Это был Вэньчжи.

Я приготовилась к стычке. Повисла короткая пауза.

– Он уже приходил раньше?

Принц оставался спокойным, хотя говорил напряженно. Уж лучше бы ругался, как-нибудь развеял это гнетущее ощущение, что я разочаровала его.

– Да, но я к нему не выходила.

Выражение его лица стало каменным.

– Почему же теперь вышла?

Я замолчала, не желая рассказывать ему о музыке, про то, о чем мы говорили с Вэньчжи на балконе.

– Ты попросила его прийти?

– Нет.

– Но и не прогнала.

Ливей провел рукой по волосам, темные пряди блестели на фоне белого халата. Я вспомнила ту ночь, когда он прибежал ко мне в комнату во дворе Вечного спокойствия, как целовал

меня с такой жадностью и нежностью, пробуждая страсть, которая до сих пор горела во мне. Однако сегодня вечером о любви не было и речи.

– Я думал, ты презираешь его, никогда больше не захочешь увидеть. А теперь обнаруживаю, что вы вместе гуляете по ночам...

– Все не так, – твердо перебила я, борясь с уколом стыда. – Он хотел увидеть лавр. Я думала, Вэньчжи сможет помочь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.